PG 3337
.K245 B6
1839

LIBRARY OF CONGRESS
00005182840

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

БОРИСЪ УЛЬИНЪ.

Karamzin, Aleksandr

БОРИСЪ УЛЬИНЪ.

ПОВѢСТЬ ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Александра Карамзина.

Онъ поетъ — никто не слышитъ
Словъ печальныхъ:
Ихъ разноситъ, заглушаетъ
Вѣтеръ бурный.

(Е. Баратынскій.)

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатано въ типографіи Карла Крайя.
1839.

PG3337
.K245B6
1839

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, Марта 7 дня 1839 года.

Цензоръ А. Никитенко.

89-122673
EP34
03-15-89

ПОСВЯЩЕНІЕ.

PCK 1430 .K7

ДАЛЕКИМЪ БРАТЬЯМЪ.

Гдѣ жъ вы, мои разгульные друзья?

Языковъ.

Вамъ посвящаю свой разсказъ,

Академическіе братья!

Мнѣ Ваши памятны объятья:

Средь Васъ запѣлъ я въ первый разъ,

Средь Васъ счастливѣйшіе годы

Провелъ я юности своей;
Дитя досуга и свободы,
Я пѣлъ вино въ кругу друзей.
Вы одобрительно внимали
Напѣвамъ музы молодой
И ихъ, за чашею ночной,
Вы дружно хоромъ повторяли.
Гдѣ Вы теперь? не соберешь;
Ужъ возмужала молодежь:
Кто воинъ — лямку третъ отважно,
Кто медикъ — холитъ людъ больной,
Кто съ каѳедры науки важно
Преподаетъ, кто въ край чужой

Забрался жизни поучиться,
Кто мирно спитъ въ землѣ сырой,
А кто затѣялъ и жениться
И въ тишинѣ своихъ пенатъ
Разводитъ маленькихъ ребятъ.
Какъ часто въ тяжкій часъ недуга,
Во дни унынья и заботъ
Несется думъ моихъ полетъ
Въ среду студенческаго круга,
Гдѣ такъ легка намъ жизнь была,
Такъ поэтически свѣтла,
Гдѣ нашего мы пѣли, други,
Пѣвца завѣтнаго стихи:

„Пусть свободны и легки
„Мчатся юности досуги!“ *)
Люблю мечтать о старинѣ.
Въ какой бы ни были странѣ,
Мои разрозненные братья,
Мнѣ Ваши памятны объятья.

* * *

Примите жъ Вы издалека
Мой трудъ нескладный и смиренной,
И голосъ дружбы неизмѣнной
Лихаго Дерпта бурсака.

М. Пелла.
1-го Марта 1839 года.

---

*) Языкова.

ГЛАВА I.

Она поэту подарила
Младыхъ восторговъ первый жаръ;
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

. . . . . .
Всегда какъ утро весела
. . . . . .
Какъ поцѣлуй любви мила,
Глаза какъ небо голубые,
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голосъ, легкій станъ,
Все въ Ольгѣ . . . . . .

(*А. Пушкинъ. Евгеній Онѣгинъ.*)

Засѣвъ разсказывать разсказъ
Я не начну съ того, что васъ
Здѣсь посвящу въ свои секреты,
Въ свои любимые предметы —
За чѣмъ писать задумалъ я,
Кто я и кто семья моя —
Какъ нынѣ дѣлаетъ писатель,
Поэтовъ древнихъ подражатель,
Начну я важно пѣснь свою

*

Завѣтнымъ словомъ: я пою . . . .
И такъ, читатель мой почтенной,
Пою, побочный Феба сынъ,
Какъ жилъ и умиралъ смиренно
Борисъ Ивановичь Ульинъ.

Родился онъ въ какой-то голодъ,
Не подъ счастливою звѣздой,
И былъ еще онъ очень молодъ,
Когда на вѣчный упокой
Въ сырую, узкую могилу,
Легли его отецъ и мать.
Наслѣдствомъ могъ себя насилу
Герой мой бѣдный пропитать.
Въ семнадцать лѣтъ онъ, одинокій,
Оставшись съ скуднымъ кошелькомъ,
За милость въ этотъ часъ жестокій
Былъ принятъ дядей старикомъ.
Племяннику же дядя въ дружбу,
Пустившись о карьерѣ въ толкъ,
Опредѣлилъ его на службу
Въ какой-то мушкатерскій полкъ.

Начну разсказъ четыре года
Спустя. Читатель, не зѣвай . . !
Не слушать каждому свобода,
А сказку баять не мѣшай.

Какъ трудно одному итти
Вдоль по житейскому пути
Въ пугливыя младыя лѣта,
Безъ воспитанья, безъ совѣта
И (что всего труднѣй, страшнѣй)
Имѣя нуль въ сумѣ своей!
Забытымъ въ мірѣ сиротою,
Въ тоскѣ, Борисъ перешагнулъ
Изъ дѣтства въ юность; со слезою
Впервые онъ на жизнь взглянулъ.
Но сирота, скрѣпясь душою,
Вступилъ въ борьбу съ своей судьбою:
Онъ сѣлъ за книги, чтобъ помочь
Бѣдѣ хромаго воспитанья,
И съ ними жилъ и день и ночь.
За то, какъ ярко упованья
Свѣтили надъ его главой!

Какъ часто онъ мечталъ порой
О славѣ громкой, не далекой!
Онъ былъ поэтъ, поэтъ глубокой,
И (что нельзя сравнить ни съ чѣмъ)
Поэтъ нечитанный ни кѣмъ.
Читатель, это ваше мнѣнье:
Пусть такъ, вамъ выгода не знать
Что могъ безвѣстный онъ писать
На первый опытъ вдохновенья;
Но для него что за мученья!
Поетъ — и не съ кѣмъ раздѣлить
Мечты, и не кого спросить
Въ минуту тяжкаго сомнѣнья:
Скажи, звучна ли пѣснь иль нѣтъ?
Поэтъ-ли я иль не поэтъ?
И часто бѣдный сомнѣвался
Въ своемъ талантѣ мой герой,
И духомъ падалъ, и главой
Печально надъ трудомъ склонялся.
Но слава! слава! . . . . мысль одна!
И снова грудь его ясна,
И снова блещутъ упованья,

Кружится рой надеждъ златыхъ.
Кто изъ поэтовъ молодыхъ
Не испыталъ тѣ содроганья,
Минуты счастья, гдѣ онъ самъ
Такъ внемлетъ собственнымъ стихамъ,
Гдѣ пѣснь своя звучитъ такъ сладко,
Гдѣ мнитъ дерзаетъ онъ украдкой,
Что эта пѣснь людей плѣнитъ,
И что онъ будетъ знаменитъ.

Въ деревнѣ, въ хижинѣ смиренной,
Самдругъ съ немытымъ деньщикомъ,
То уносимъ мечтой надменной,
То скромно сидя за трудомъ,
То передъ взводомъ выступая,
Такъ жилъ армейскій мой пѣвецъ.
Поля прощально лобызая,
Ужъ солнца лѣтняго вѣнецъ
За рощей тихо опускался
Средь умирающихъ лучей,
И дальній западъ разгарался
Въ завѣсѣ розовой своей.

Открывъ разсѣянныя очи,
Дымя изъ трубки что есть мочи,
Въ окно задумчиво повисъ
Лицемъ нахмуреннымъ Борисъ.
Въ его избѣ стоитъ у стѣнки
Съ постелью жесткою кровать,
Въ углу беззубыя гребенки
Съ плѣшивой щеткою подъ стать
Двумъ стульямъ нѣкогда обитымъ
И крѣпко на ноги разбитымъ.
Всего виднѣй сосновый столъ:
На немъ въ ученомъ безпорядкѣ
Лежатъ Борисовы тетрадки,
Толпятся книги всякихъ школъ;
Плоды счастливыхъ вдохновеній,
Предметы долгихъ размышленій:
Тутъ чувствъ его и жизни нить.
И какъ всѣхъ этихъ книгъ почтенныхъ
Борису страстно не любить?
О сколько мукъ для нихъ снесенныхъ!
Богъ знаетъ какъ онъ собиралъ
Для ихъ покупки капиталъ,

Какъ онъ сидѣлъ на горькой дьетѣ,
Какъ онъ ложился при разсвѣтѣ,
Чтобы прочесть скорѣе ихъ.

Но онъ теперь сидитъ угрюмой
Не отъ своихъ любимыхъ книгъ,
И не объятъ онъ важной думой,
И не готовитъ новый стихъ;
Не грустенъ онъ, за тѣмъ что славы
Еще далекъ желанный срокъ
И не за тѣмъ что худощавый
Въ чахотку смотритъ кошелекъ.
Встревоженъ онъ другимъ предметомъ:
Князь Дольскій, мощный властелинъ
Деревни, гдѣ стоялъ Ульинъ,
Чтобъ насладиться свѣтлымъ лѣтомъ
(Да и поправиться казной)
Съ семьей въ удѣлъ пріѣхалъ свой,
Покинувъ пыль и стукъ столичной.
Вотъ Князь, съ любезностью приличной,
Узнавъ, что бѣдный мой герой
Живетъ одинъ въ его владѣньѣ,

Къ нему на завтрашній обѣдъ
Послалъ съ лакеемъ приглашенье.
Испуганъ дикій мой поэтъ
Какъ въ зимней дремлющій берлогѣ
Медвѣдь отысканный ловцомъ.
До ночи онъ сидитъ въ тревогѣ,
Робѣя духомъ и умомъ:
О завтра, завтра! день ужасной!
День приглашенья роковой!
Прости мечта! прости покой!
Онъ ходитъ, куритъ, все напрасно.
Смѣшно! а право для того,
Кто въ жизнь не видѣлъ никого
Итти обѣдать не легко.
Борисъ ужъ легъ, но въ сновидѣньяхъ
Обѣдъ и Князь его томятъ:
То онъ въ какихъ-то положеньяхъ,
Не можетъ сѣсть какъ всѣ сидятъ;
То Князю глупость отвѣчаетъ;
Роняетъ все кругомъ, и вдругъ
Глядитъ и въ страхѣ замѣчаетъ,
Что онъ забылъ надѣть сюртукъ;

И тутъ въ немъ голосъ замираетъ;
Надъ нимъ хохочутъ всѣ кругомъ;
Онъ хочетъ броситься бѣгомъ,
Но не владѣетъ ужъ ногами;
А Дольскій, сдѣлавшись козломъ,
Толкаетъ въ бокъ его рогами.

Палящимъ шаромъ въ небѣ знойномъ
Давно плыветъ свѣтило дня;
Отпрегши потнаго коня
Усталый пахарь сномъ спокойнымъ
Заснулъ на пашнѣ близъ сохи;
Въ лѣсу не двигаются ели
Нагнувъ смолистые верхи;
Докучнымъ крикомъ надоѣли
И коростель и стрекоза;
Протяжно било три часа.
Пора къ обѣду, нѣтъ спасенья!
Борисъ одѣлся, взбилъ хохолъ,
Собрался съ духомъ и пошелъ.
Прошелъ онъ дворъ безъ приключенья;
Прошелъ крыльцо, огромный залъ,

Какого сроду не видалъ,
И наконецъ предсталъ въ гостинной.
Съ шитьемъ сидѣла у окна
Княгиня на кушеткѣ длинной,
Цвѣтами вся окружена
И въ померанцевомъ боскетѣ.
Княгиня нѣкогда слыла
Красавицей въ столичномъ свѣтѣ,
Да и теперь еще была
И моложава и пріятна,
И на лицѣ ея понятна
Была минувшая краса.
Борисъ вошелъ, его глаза
Смущенной робости мученьемъ
Исполнены; Княгинѣ онъ
Поднесъ неловкій свой поклонъ;
Съ улыбкой легкимъ наклоненьемъ
Она отвѣтила ему.
Всегда, вездѣ въ такія встрѣчи
Велись безсмысленныя рѣчи
По силамъ каждому уму.
На замѣчанія Княгини

О солнцѣ, пыли и жарахъ
Борисъ, откинувъ первый страхъ,
Сталъ мудро разсуждать какъ Плиній,
Извѣстный всѣмъ натуралистъ.
Въ такомъ пріятномъ разговорѣ
Ихъ прервалъ Князь, вошедшій вскорѣ.
Въ столицѣ Князь за крупный вистъ
Садился каждый вечеръ Божій;
Давалъ два раза въ зиму балъ;
Въ часъ танцевъ онъ, на столбъ похожій,
Въ дверяхъ съ улыбкою торчалъ;
Всегда, вездѣ его встрѣчали,
И никогда не замѣчали.
Такъ жилъ спокойно онъ свой вѣкъ
Ни въ комъ и мысли не рождая
Спросить: что онъ за человѣкъ?
За то ужъ дочь его младая
Съ ума сводила цѣлый свѣтъ,
И Оленька въ семнадцать лѣтъ,
Съ своими свѣтлыми очами,
Съ златыми, длинными кудрями
И тальей легкою своей

Была прелестна въ самомъ дѣлѣ
Какъ солнце свѣтлыхъ майскихъ дней.
Была кокеткой въ колыбели
Со дня рожденія она.
Всегда смѣясь, всегда болтая,
Всегда грацьозная, живая
Плѣняла юношей Княжна.

Какъ весело въ столичномъ свѣтѣ
Кокеткѣ милой процвѣтать,
Число поклонниковъ считать,
Мечтать о бальномъ туалетѣ.
Хотя умомъ она проста,
Собой лишь въ мірѣ занята,
Кокетства дивное искусство
Ей придаетъ и умъ и чувство.
О кто изъ васъ, мои друзья,
Ей сердца не сдавалъ безъ спора
Предъ этой прелестію взора,
Предъ дѣтскимъ хохотомъ ея.
И каждый свѣтлою Царицей
Ее салоновъ признаетъ,

И за блестящей колеснищей
Влюбленнымъ плѣнникомъ идетъ.
Но горе! лучше-бъ не родился
Ты въ свѣтъ, безумецъ молодой!
Когда безъ шутокъ ты прельстился
Ея игривой красотой;
Когда тебя на зло лукавый
Тщеславья дымомъ закурилъ
И этимъ блескомъ бальной славы
Главу безсильную вскружилъ.
Счастливый, томный и смущенный,
Возьми, возьми свой кладъ безцѣнный!
Пусть нынѣ льстятъ мечты тебѣ,
Проснешься завтра, другъ несчастный!
Судьбой прикованный къ судьбѣ
Жены бездумной и безстрастной,
Безцвѣтной, ко всему нѣмой;
Въ лобзаньяхъ нѣжности ночной
Пропала дѣвочка живая,
И съ ней мечта твоя златая;
И заживешь, пріятель мой,
Ворча, скучая и зѣвая

Съ твоей супругой молодой.
Читатель! эти разсужденья —
Мои: Сужу безъ снисхожденья;
Красавицъ нашихъ знаю я,
Средь нихъ тянулась жизнь моя;
Я много шлялся въ свѣтѣ бренномъ,
По этимъ заламъ освѣщеннымъ,
Среди зѣвающихъ людей,
При шумѣ ногъ и скрипачей;
Я опытенъ, я старъ, какъ нынѣ
Младые люди о себѣ
Всѣ говорятъ. Но вѣкъ въ пустынѣ
Борисъ живя въ своей избѣ,
Не зналъ, что значитъ полъ прекрасной,
Ни сердца свѣтскаго заботъ,
Ни дѣвы прелести опасной,
Ни сладкій ядъ, что смертный пьетъ,
Когда глядитъ ей долго въ очи.
Не зналъ . . . . но что онъ зналъ? короче
Въ дѣлахъ житейскихъ мой поэтъ
Былъ какъ ребенокъ пяти лѣтъ.

Борису Дольскій подалъ руку,
Представилъ Оленькѣ, потомъ
Сталъ говорить о томъ, о сёмъ,
Да про дорогъ безбожныхъ скуку;
Спросилъ, кто ближній тутъ сосѣдъ;
Про службу молвилъ полковую.
Межъ тѣмъ ужъ поданъ былъ обѣдъ.
Столъ Князя всѣмъ рекомендую;
Ужъ можно лакомствомъ назвать:
Супъ — что за супъ! ну объяденье!
Понюхать рубль ужъ стоитъ дать;
А ростбифъ что за удивленье!
Не ростбифъ, просто благодать;
А вина, рыбы, а жаркое . . . .
Иль вкуса нѣтъ въ моемъ героѣ?
Иль боленъ онъ? иль что иное?
Но яства Князя мимо онъ
Всѣ пропускаетъ равнодушный;
Его велѣнью непослушный
Упрямо къ мѣсту взоръ вперенъ,
Гдѣ Ольга дивная сидѣла,
И какъ нарочно такъ мила

Она ни разу не была.
Ей жизнь въ деревнѣ надоѣла:
Нѣтъ ни души, съ кѣмъ поболтать,
Кого-бъ въ поклонники вписать,
Съ кѣмъ посмѣяться — ну мученье!
Въ такомъ несчастномъ положеньѣ
Борисъ находкой Ольгѣ былъ.
Въ деревнѣ дальней кто не милъ?
И справедливо изрѣченье,
Что на безлюдьѣ въ кутерьмѣ
Попасть въ дворяне и Ѳомѣ.
Къ тому-жъ Борисъ собой былъ статенъ,
Уменъ, начитанъ и пріятенъ;
Оригинальность онъ имѣлъ
Въ сужденьяхъ, въ чувствахъ, въ выраженьѣ,
Которая людей удѣлъ
Живущихъ вѣкъ въ уединеньѣ:
Въ нихъ привлекательна она;
Но наши юноши напрасно
За ней гоняются всечасно:
Въ нихъ и не кстати и смѣшна
Она какъ бѣлымъ днемъ луна,

Иль какъ среди бесѣды трезвой
Разгулъ безумный одного.
Какъ ни хотѣлось Ольгѣ рѣзвой
На счетъ героя моего,
И всѣхъ армейскихъ Офицеровъ,
И ихъ неловкости манеровъ
Смѣяться вдоволь про себя,
Но привлекалъ къ себѣ невольно
Участье дѣвы своевольной,
Вниманье бѣглое ея,
Бориса умъ, понятій живость
И рѣчи робкой особливость;
Его познаній дальній кругъ,
Огонь поэзіи, что вдругъ
Въ рѣчахъ невольно пробивался,
И боязливый взоръ очей,
Когда онъ къ Ольгѣ обращался.
О первой робости своей
Борисъ забылъ. Вотъ отъ обѣда
Ужъ встали; солнце за горой
Погасло; сумрачною мглой
Поля покрылись; но бесѣда

Еще не въ тягость никому.
Вопросъ отвѣтъ тянулъ на сворѣ,
Отъ слова къ слову въ разговорѣ
Пришлось герою моему
Свой родъ, свой бытъ, свои печали
Семейству Дольскихъ разсказать.
Княгиня и Княжна внимали
И не могли не сострадать
Бориса жизни одинокой,
Его терпѣнію въ трудахъ
И безотрадности глубокой
Въ безпечной юности лѣтахъ.

Растрогаться чужимъ страданьемъ
Въ глуши деревни такъ легко!
Въ столичномъ шумѣ — гдѣ вниманьемъ
Дарить другихъ? не до того.
Тамъ всякій смотритъ за собою,
И такъ ужъ всѣмъ довольно дѣлъ;
Но кто оттуда вдругъ судьбою
За свѣта пестраго предѣлъ
Заброшенъ въ дальнее помѣстье,

Всѣмъ сострадать отъ скуки радъ.
Въ деревнѣ каждое извѣстье
О комъ-бы ни было есть кладъ.
Всегда для ближняго участье
Въ его несчастіи и счастьѣ
Во всѣхъ я женщинахъ встрѣчалъ,
Когда свой бытъ имъ наскучалъ.
Но только листья пожелтѣли
И бури осени запѣли
Напѣвы дикіе свои,
Карета быстрая скачи!
Красавицы ужъ въ нетерпѣньѣ
Бѣгутъ на праздникъ суеты,
А вы, о ближніе, — въ забвеньѣ,
И ваши думы и мечты,
И ваши радости и муки,
И рѣчи ваши, что со скуки
Имъ такъ казались хороши
Въ деревнѣ, въ варварской глуши.

Домой обратною ногою,
О чести вспомнивъ наконецъ,

Когда пошелъ нашъ молодецъ,
О немъ въ тотъ вечеръ межъ собою
Болтала Дольская семья
Довольно долго; здѣсь же я
Скажу, ихъ словъ не повторяя,
Что онъ понравился весьма,
И спать ложась Княжна младая
О немъ задумалась сама.

Ужъ было поздно, погасали
Въ избушкахъ дымные огни;
На небѣ облака бѣжали;
Сквозь клубы ихъ лучи свои
Двурогій мѣсяцъ пропуская,
То дымкой ихъ свой свѣтъ скрывалъ,
То вдругъ, что лебедь молодая,
На синемъ небѣ выплывалъ.
Борисъ шелъ медленной ногою
Къ дверямъ жилища своего,
И новой, яркою мечтою
Горѣла голова его.
Вошедши въ свой пріютъ смиренный

Онъ не искалъ прохлады сна,
Но думой юной вдохновенный
Сѣлъ у открытаго окна.
И никогда еще такъ ясно
Надъ нимъ не плавала луна
И не казалась столь прекрасной
Іюньской ночи тишина.
Но вотъ ужъ мѣсяцъ меньше свѣтелъ,
Ужъ прокричалъ вторично пѣтелъ,
Ряды прозрачныхъ облаковъ
Ужъ на востокѣ заалѣли,
Покинувъ тѣнь густыхъ лѣсовъ
Ужъ птички раннія запѣли;
Но все въ раздумьѣ недвижимъ
Сидитъ Борисъ, и передъ нимъ
Все образъ Оленьки прелестной
Среди свѣтилъ звѣздой чудесной
Сіяетъ на небѣ ночномъ,
То къ холму ближнему бѣгомъ
Стрѣлой пустившись ножкой ловкой,
За нимъ скрываетъ дивный станъ
И рѣзво ангельской головкой

Глядитъ сквозь утренній туманъ.
И словомъ мой Борисъ съ той ночи
(Разсудку вымолвивъ: прости!)
Влюбился весь, что было мочи
Въ его безопытной груди.

Прошло два дня, и мой герой
Ужъ весь не тотъ: прости покой,
И дума, дочь уединенья,
И ты, податель утѣшенья,
Ученый, мирный трудъ, прости!
Не для тебя его вниманье,
Не для тебя его мечты;
За чѣмъ забылъ онъ упованье,
Что ты зажегъ въ груди его?
За чѣмъ онъ бродитъ какъ безумный?
За чѣмъ онъ путь благоразумный
Откинулъ вдругъ и для того,
Чтобы итти на свѣтъ опасный
Очей прелестницы младой?
Такъ мошку манитъ пламень ясный,
Но горе, горе мошкѣ той!

ГЛАВА II.

А милый полъ какъ пухъ легокъ . . .

(А. Пушкинъ. Евгеній Онѣгинъ.)

Что было слѣдствіемъ свиданья?
Увы, не трудно отгадать!
Любви безумныя страданья
Не перестали волновать
Младой души, печали жадной, . . .

(А. Пушкинъ. Евгеній Онѣгинъ.)

Еще Сентябрскій день горитъ,
Но ужъ Октябрь въ дверяхъ стоитъ,
Ужъ вѣтеръ въ рощѣ опустѣлой
Валитъ послѣдній желтый листъ,
Уже его холодный свистъ
Природѣ шепчетъ онѣмѣлой,
Что близокъ грозный царь-старикъ
Печальной осени тумановъ.
Замолкли птицы; стаи врановъ
Однѣ лишь носятся; ихъ крикъ
Уныньe на сердце наводитъ,

И кто имъ вздумаетъ внимать
Не въ силахъ будетъ разгадать
Что ихъ въ движеніе приводитъ,
О чемъ толкуютъ въ вышинѣ,
Иль плачутъ надъ умершимъ лѣтомъ,
Иль дикимъ каркаютъ привѣтомъ
Суровой, сѣверной зимѣ.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Надъ этимъ многоважнымъ дѣломъ
Быть можетъ думалъ и Ульинъ,
Когда въ саду онъ опустѣломъ
Бродилъ разсѣянно одинъ.
Подъ тихими его шагами
Шумѣли падшіе листы,
И солнце свѣтъ безъ теплоты
Бросало низкими лучами.
Уже давно онъ къ Князю въ домъ
Безсмѣннымъ гостемъ съ каждымъ днемъ
Ходилъ иль утромъ, иль къ обѣду,

Иль ѣздить съ дамами верхомъ,
Иль на вечернюю бесѣду,
Чтобъ толковать предъ камелькомъ.
Его у Дольскихъ полюбили,
Онъ членомъ сдѣлался семьи,
Его какъ звѣря приручили,
И вкусы дикіе свои,
И жизнь въ трудахъ, вдали отъ свѣта
Для нихъ онъ бросилъ; въ первый разъ
Позналъ онъ силу свѣтлыхъ глазъ
И сладость дружнаго привѣта.
Четыре мѣсяца какъ сонъ
Предъ нимъ прошли: ихъ прожилъ онъ
Въ восторгахъ, въ страстныхъ ожиданьяхъ,
Въ младыхъ, безоблачныхъ мечтаньяхъ,
Въ которыхъ онъ свой идеалъ
Всѣмъ что прекрасно, что священно
Своею думой вдохновенной
Роскошно, ярко одѣвалъ.
Друзья! съ слезою умиленья
О кто не вспоминалъ изъ васъ
Тотъ свѣтлый часъ самозабвенья,

Какъ полюбилъ онъ въ первый разъ?
Въ лѣтахъ, когда насъ покидаютъ
Безумной юности мечты
И нашу зрѣлость ужъ плѣняютъ
Существенности суеты,
Мы постепенно угасаемъ,
И вспомнивъ, ужъ не понимаемъ
Ни прежнихъ думъ, ни чувствъ своихъ,
Ни упованій золотыхъ;
Но проклятъ Небомъ и судьбою,
Кто очерствѣлою душою
Забыть могъ первой страсти жаръ,
Ея восторгъ, ея угаръ,
И трепетъ, и страданій сладость,
И тихую надежды радость,
Невозвратимыя какъ младость,
Какъ въ трупѣ жизни красота,
Какъ въ осень соловья напѣвы,
Какъ бѣдной обольщенной дѣвы
Невозвратима чистота.

Въ послѣдній разъ Борись теперь
У Дольскихъ постучался въ дверь;
А завтра эта дверь замкнется,
Какъ ни стучи, не отопрется;
Никто на встрѣчу сироты
Не выйдетъ съ дружескимъ привѣтомъ;
Ты, идеалъ его мечты,
Не засіяешь предъ поэтомъ,
Чела тоскующаго ты
Не прояснишь отраднымъ свѣтомъ
Твоей дѣвичьей красоты.

Межъ тѣмъ наполненъ сундуками
У Князя Дольскаго весь домъ;
Повсюду бѣгаютъ съ узлами,
И шумъ, и крикъ, и все вверхъ дномъ.
Въ каретѣ клажи Князь не хочетъ,
За пыль Княгиня внѣ себя,
А камеръ-юнгфера ея
О бричкѣ лишь своей хлопочетъ,
За тѣмъ что въ пику казначей
Всѣ вещи складываетъ къ ней.

Борисъ разсѣянный, печальной
Смутился въ кутерьмѣ такой
И поспѣшилъ въ аллеѣ дальной
Искать мечтанье и покой.
Вотъ отъ чего главы въ началѣ
Его нашли мы одного.
Подъ властью горя своего,
Не озираясь, далѣ, далѣ
Въ изгибы узенькихъ аллей
Онъ шелъ съ главою наклоненной;
Но вдругъ отъ думы онъ своей
Былъ прерванъ встрѣчей, и смущенной
Борисъ увидѣлъ предъ собой
Свой идеалъ, свое свѣтило,
Все что любилъ онъ подъ луной,
Чѣмъ жизнь ему казалась милой
А одиночество тоской.
А право, смѣхъ меня покуда
Беретъ, какъ вспомню, что она,
Что это солнце, это чудо
Была лишь Дольская Княжна,
Съ которой двадцать разъ зѣвая

Я въ Петербургѣ танцовалъ,
И никогда не замѣчалъ,
Чтобъ эта дѣвочка пустая
Была иль солнце иль звѣзда.
О странны, странны вы, поэты!
Влюбляйтесь, это не бѣда,
Но страсти вашей пусть предметы
Вашъ вдохновляютъ только гласъ;
Пусть пламень зажигаютъ въ васъ
Могучій, творческій, высокій;
И слава дѣвѣ свѣтлоокой,
И слава красотѣ ея,
Когда поэтъ, ее взлюбя,
Свой плѣнъ, свою тоску и радость
Намъ въ пѣснѣ звучной воспоетъ;
Но пусть вольна, кипитъ въ немъ младость!
Подруги онъ да не беретъ,
Чтобы подъ опытомъ жестокимъ
Не задушить мечты свои,
Чтобъ не сказать на вѣкъ — прости! —
Очарованіямъ высокимъ.
Блаженъ, когда онъ не узналъ
Лицемъ къ лицу свой идеалъ!

Давно ужъ видѣла Княжна,
Какую роль она играла
Въ мечтахъ Бориса Ульина.
Мысль очень дѣвочку плѣняла
Свести кого нибудь съ ума.
Конечно слышался ей часто
Танцоровъ говоръ скрытно страстной,
Но видѣла она сама,
Ея вчерашній обожатель
Какъ отъ нее переходилъ
Къ другимъ богинямъ. Мой читатель!
О если рокъ тебя водилъ
По пышнымъ раутамъ столицы,
Ты долженъ знать всѣ эти лицы,
Что вѣчно, вѣчно видны тамъ,
И ихъ обычаи и нравы,
И ихъ безсмѣнныя забавы.
Кокетство дѣвъ нестрашно намъ,
Привычнымъ франтамъ всѣхъ гостиныхъ:
Мы знаемъ ихъ, а насъ онѣ;
Живемъ въ обманахъ мы невинныхъ:
Сердечной женщинъ тишинѣ

Не вреденъ нашъ притворный пламень,
Намъ — ихъ лукавая краса;
Сошлись мы какъ коса на камень,
И цѣлы камень и коса.
Но съ Ульинымъ совсѣмъ другое.
Не такъ любилъ анахоретъ,
Живой мечтательный поэтъ,
Какъ любимъ мы, чтобъ время злое
Кой-какъ до трехъ часовъ утра
Убить отъ скуки не зѣвая.
Какъ буря степи, страсть младая
Ходила въ сердцѣ дикаря.
Онъ предался ей всей душою,
Онъ ей страдалъ, онъ ею жилъ;
Въ нее онъ огненной мечтою
Тоску и радость положилъ.

Себя увидя героиней,
Могучей, свѣтлою богиней
Судьбы безумца Ульина,
Была пресчастлива Княжна.
Она своей гордилась силой;

Ей сладко, ей отрадно было
То сердце въ немъ тоской мутить,
То вдругъ улыбкой, быстрымъ взоромъ
Опять въ немъ радость оживить;
Къ тому-же въ времени ужъ скоромъ
Разстаться должно навсегда:
Свѣтъ не узнаетъ никогда
Про шалость жизни деревенской,
Ни про любовника ея.
Съ обычной добротою женской
Рѣшилася Княжна моя
Повеселиться на прощанье,
Дать дѣлу ходъ, любви признанье
Услышать разъ и между тѣмъ
Бориса бѣднаго совсѣмъ
Свести съ ума .... А тамъ карета —
И въ Петербургъ обратный путь;
Любовь армейскаго поэта,
Прости на вѣкъ! что хочешь будь!
Она пошла искать Бориса
Съ такою мыслію благой.
Я разсказалъ вамъ, какъ сошлися
Моя Княжна и мой герой.

Есть у безсовѣстныхъ дѣвченокъ
Улыбки свѣтлыя какъ свѣтъ,
Какъ смѣхъ дѣтей, какъ майскій цвѣтъ,
И мой прелестный дьяволенокъ
Такъ улыбаясь подошелъ
И рѣчь лукавую завелъ:
»О чемъ вы здѣсь въ уединеньѣ
Мечтаете, Monsieur Борисъ?
Чему такъ важно предались?
Боюсь мѣшать вамъ въ размышленьѣ.
Что-жъ вы молчите? не шутя,
Скажите мнѣ свои печали.
Вашъ сплинъ и скуку замѣчали
Не разъ ужъ маменька и я;
Но вотъ уже четыре сутки
Не проясняется вашъ сплинъ;
Вы насъ не любите, минутки
Вамъ не сидится съ нами, шутки
Васъ не смѣшатъ, вы все одинъ
Отъ насъ уходите. Какое
Васъ мучитъ зло? Глядѣть на васъ —
Такъ грустно мнѣ!« — Въ моемъ героѣ

Вскипѣла кровь. Не въ первый разъ
Такою рѣчью состраданья
Княжна ласкала Ульина;
Тогда рождала въ немъ она
Восторгъ, безумныя желанья,
Надежды мутныя. Не зналъ
Бѣднякъ огромности пучины,
Которой приговоръ судьбины
Его навѣчно отдѣлялъ
Отъ дѣвы выспренняго свѣта.
Безпечны въ юныя мы лѣта;
И предавался мой герой
Любви безцѣльной и слѣпой.

Онъ былъ предъ Ольгой молодой;
Въ немъ сердце билось, кровь кипѣла,
Колѣна гнулись и тряслись,
Какъ-бы вспорхнуть душа хотѣла,
И долго говорить Борисъ
Не могъ, и на густой ресницѣ
Дрожала крупная слеза;
Но наконецъ къ своей царицѣ

Печально обративъ глаза:
»За чѣмъ« — сказалъ онъ — »васъ я видѣлъ?
И если рокъ меня обидѣлъ,
И если грустный жребій мой
Жить одинокимъ сиротой,
За чѣмъ узналъ я жизни радость
И дружнаго участья гласъ?
За чѣмъ мой взоръ глядѣть на васъ,
Узналъ мучительную сладость?
И не была теперь полна
Моя бы грудь тоской жестокой.
Бывало, жизни одинокой
Меня плѣняла тишина;
Теперь, увы! разстаться съ вами
И вѣроятно навсегда . . . .
О! это страшно мнѣ!« Тогда
Печально свѣтлыми очами
Взглянула на него Княжна,
И тихо протянула руку
Ему съ участіемъ она. . . . .
Ее схватилъ Борисъ, и муку
Забылъ разлуки роковой,

Забылъ весь міръ, и на колѣни
Онъ палъ предъ Ольгой молодой,
И отъ любви, отъ упоеній
Онъ умиралъ, съ ума сходилъ,
И руку Оленьки лобзая,
Онъ трепеща ей говорилъ:
»Люблю васъ! вы мой ангелъ рая,
Вы мой небесный идеалъ!
Еще такой мнѣ взоръ единой!
Какъ сладокъ взоръ твоихъ очей! . . . .«
И много въ простотѣ невинной
Такихъ безсмысленныхъ рѣчей
Онъ говорилъ Княжнѣ своей.
А Ольга слушала, не зная,
Что отвѣчать, что дѣлать ей;
Сама шалунья молодая
Всю эту сцену назвала,
Теперь-же Оленька была
Испугана такой тревогой,
Да и сердита хоть не много
За смѣлость, дерзость Ульина.
За то, столь пламеннымъ признаньемъ,

Такой любовью и страданьемъ
Была и тронута она.
И вотъ рѣшилася Княжна
Оставить не рѣшеннымъ дѣло:
Свою отдернувъ ручку, смѣло
Она пустилася бѣжать.
Борисъ опомнился. Несчастный!
Внезапно бредъ погаснулъ страстный,
И право трудно описать,
Что въ немъ тогда происходило;
И стыдъ, и страхъ изобразило
Его лице. Онъ вспоминалъ
Любви безумныя признанья,
И все что Ольгѣ онъ сказалъ
Въ пылу сердечнаго страданья
Ему представилось какъ сонъ.
И сталъ онъ въ думу погруженъ,
Невольнымъ ужасомъ объятый
И, какъ ребенокъ виноватый,
Очей не смѣя приподнять.

Такъ долго могъ бы онъ стоять,
Но вотъ въ сосѣдственной аллеѣ
Сухіе хрустнули листы,
И вскорѣ Дольскаго черты,
Свѣтлѣе дня, луны полнѣе,
Предстали взорамъ Ульина.
»А ба! вы здѣсь, Борисъ Иванычъ?
Объ васъ справлялась ужъ жена.
Холодный вѣтеръ; будетъ на ночь
Морозъ; я думаю. Дай Богъ,
Чтобъ не испортилъ онъ дорогъ;
Дурныхъ дорогъ я ненавижу.
Вы въ сюртукѣ одномъ я вижу,
Пойдемте поскорѣй домой,
Вамъ вѣрно холодно; къ тому-же
Пора за столъ. Былой порой,
Какъ вы, не думалъ я о стужѣ,
Но опытъ выучилъ меня,
Теперь всегда на мнѣ фуфайка;
И вы вотъ будете какъ я.
Вотъ ужъ и домъ. Эй кушать дай-ка!
Да гдѣ Княгиня и Княжна?«

Такъ Князь безспорно разсуждая
Привелъ съ собою Ульина.
Борисъ, что дѣлать самъ не зная,
Души не чувствуя въ себѣ,
Все предалъ Богу и судьбѣ.

Ужъ за столомъ семья сидѣла,
Какъ въ комнату вошла Княжна;
Она немного покраснѣла,
Была немного смущена;
Но мой герой глядѣлъ въ тарелку
Какъ будто-бъ былъ въ нее влюбленъ;
Горѣлъ, блѣднѣлъ, багровѣлъ онъ,
Припоминалъ свою продѣлку
И не видалъ онъ ничего
Подъ властью страха своего.
Но вотъ Княжна заговорила,
И изо всѣхъ Борисъ ушей
Ни живъ, ни мертвъ внимаетъ ей;
Дыханья въ немъ прервалась сила,
Ему все мнится, что сейчасъ
О томъ что между ими было

Затянетъ Оленька разсказъ.
Однакожъ время проходило,
Къ концу ужъ скоро и обѣдъ:
Свободнѣй стало въ немъ дыханье;
Болтала Ольга, но въ болтаньѣ,
Объ Ульинѣ ни слова нѣтъ;
Онъ по немногу ободрился,
Сперва на Князя покосился,
Потомъ и на его жену
И наконецъ, собравшись съ силой,
Взглянулъ онъ прямо на Княжну.
Княгиня этой сцены милой
Не замѣчала. Занята
Она отъѣздомъ въ градъ столичной.
Нетерпѣливая мечта
Ея летитъ къ странѣ привычной,
Гдѣ ждетъ Княгиню пышный домъ,
И будуаръ ея любимый,
И этотъ шумъ необходимый
Для женщинъ вѣкъ отжившихъ въ немъ;
А Князь счастливой слѣпотою
Былъ одаренъ отъ юныхъ лѣтъ,

И говоритъ коварный свѣтъ,
Что будто-бъ отъ того съ женою
Онъ жилъ такъ счастливо всегда . . .
Но свѣту съ злой его молвою
Не должно вѣрить никогда.
Уже за Ольгой безпрерывно
Слѣдитъ съ отважностью Борисъ —
Вотще! на взглядъ его призывной
Княжна, нагнувъ головку внизъ,
Отвѣтныхъ взглядовъ не давала;
Но вотъ раздался стульевъ шумъ,
Изъ-за стола бесѣда встала,
И Оленька глаза подняла,
Какъ будто-бъ отъ глубокихъ думъ
Очнувшись; молніей она
Взглянула вдругъ на Ульина,
Потомъ опять поспѣшно брови
Съ смѣшной серьозностью свела
И за Княгинею пошла.
Но этотъ взглядъ былъ взглядъ любови,
Прощенья сладостный завѣтъ;
Съ Бориса бремя думъ свалилось,

На лбу его заботы нѣтъ
И сильно, радостно забилось
Въ немъ сердце томное. Опять
Въ немъ заиграли упованья;
Онъ не клянетъ ужъ часъ признанья;
Для одного еще свиданья
Готовъ онъ жизнь свою отдать.
О этотъ взглядъ! . . . и такъ безъ гнѣва
Ему тогда внимала дѣва!
О еслибъ хоть единый разъ
Еще онъ могъ лобзать ей руку
И говорить: люблю я васъ!
Но на всегдашнюю разлуку
Итти въ молчаніи . . . мой Богъ!
О кто безропотно бы могъ
Снести въ душѣ такую муку?
Такъ грудь его была полна
Покуда, сѣвъ за клавикорды,
По нимъ разсѣянно аккорды
Бросала дивная Княжна;
Покуда надъ шитьемъ Княгиня

Работала — и у камина
Князь мирно въ креслахъ засыпалъ.

Но тщетно мой Борисъ вздыхалъ:
Его тоску, его желанье
Быть можетъ видѣла она;
Но слишкомъ Оленька умна,
Чтобъ еще разъ себѣ свиданье
Устроить съ страстнымъ Ульинымъ;
Довольно опытомъ однимъ
Свое дѣвичье любознанье
Уже насытила она;
И молча, въ сердце Ульина
Его надежды и страданье
Сокрылись. Часъ за часомъ билъ
Среди пустаго разговора;
Огонь пылающаго взора
Одинъ Борису измѣнилъ,
Да трепетъ рукоприжиманья
Въ минуту поздняго прощанья.

Все спитъ у Дольскаго: одна
Не спитъ прелестная Княжна;
Мечты дѣвичіи играютъ
Надъ ложемъ шелковымъ ея,
И странныя событья дня
Младыя перси воздымаютъ,
И дѣвы нѣжная щека
Пылаетъ розовою кровью;
Она рѣзвившися любовью
Знать обожглася ей слегка.
И долго, долго такъ лежала
Той ночью Оленька безъ сна,
И передъ ней мечта являла
Черты младаго Ульина.

И онъ не спалъ, герой мой бѣдный:
Къ порогу келліи своей
Борисъ пришелъ убитый, блѣдный
И мрачной полночи мрачнѣй;
И сталъ большими онъ шагами
Ходить по маленькой избѣ.
Доселѣ счастью и себѣ

Слѣпыми вѣрилъ онъ глазами,
Не замѣчалъ до этихъ поръ
Своей онъ бѣдности глубокой;
Теперь предсталъ сей врагъ жестокой,
Теперь ему кололъ онъ взоръ.
Онъ понялъ, что не доставало
Ему для счастія его;
Теперь онъ понялъ отъ чего
Онъ, умный, просвѣщенный малый,
Быть можетъ избранный боговъ,
Приговоренъ былъ при рожденьѣ
Прожить въ глуши, среди волковъ
Да бородатыхъ мужиковъ,
Да одиночное ученье
Учить, учить вѣкъ цѣлый свой,
Какъ онъ, безвѣстнымъ мушкатерамъ
Забытымъ небомъ и землей;
Короче: киснуть подъ луной
Армейскимъ, пѣшимъ офицеромъ.
Теперь онъ понялъ отъ чего
Такъ безнадежно разстается
Онъ съ дѣвой сердца своего,

Что рано-ль поздно-ль наречется
Несправедливою судьбой
Счастливецъ въ этомъ градѣ дальномъ,
Съ его созданьемъ идеальнымъ
Соединитъ онъ жребій свой
И Ольгу назоветъ женой.
И такъ за чѣмъ же быть не можетъ
Счастливцемъ этимъ онъ, Ульинъ?
Иль проклятъ въ мірѣ онъ одинъ?
За чѣмъ карету не заложитъ,
Не полетитъ за Ольгой онъ? . . . .
Я бѣденъ! — Какъ могильный звонъ
Слова звучали роковыя;
Я бѣденъ, бѣденъ! . . . . И впервые,
Свою увидѣвъ нищету,
И стѣнъ печальныхъ наготу,
И весь уборъ хромой, безсмѣнной
Своей обители смиренной,
И кошелекъ всегда пустой,
Онъ проклялъ жалкій жребій свой.
На грудь поникнувъ головою,
Онъ сѣлъ и долго не вставалъ,

И изнывая подъ тоскою
Онъ какъ ребенокъ зарыдалъ.

Ночь пронеслась; за грубой дымкой
Осеннихъ блѣдно-сѣрыхъ тучь,
Запрятавъ утренній свой лучь,
Возстало солнце невидимкой;
Туманъ верхи деревъ скрывалъ;
Шелъ дождикъ мелкій и холодной,
И словомъ, на дворѣ стоялъ
Россійской осени природной
Изъ идеаловъ идеалъ.
У Дольскихъ встали по немногу;
Готовясь въ дальнюю дорогу
Засуетились господа,
Вся дворня въ домѣ зашумѣла:
Вездѣ возня и мало дѣла,
Какъ предъ отъѣздами всегда.
Вотъ кони тощіе въ кареты
Ужъ наконецъ запряжены,
Во всѣхъ сумахъ уложены
Безъ счета куры и паштеты;

Всѣ по дорожному одѣты;
Прощальный самоваръ кипитъ,
Семья вокругъ него сидитъ.
Княгиня чашки наливаетъ,
Князь куритъ трубку и зѣваетъ,
Пьетъ чай разсѣянно Княжна —
Томна немного и блѣдна.
Тутъ и Борисъ сидитъ угрюмой,
Съ погасшимъ взоромъ, съ мертвой думой,
И кажутъ всѣ его черты
Ночной безсонницы слѣды.

Но все готово, съ мѣста встали,
Борису счастья пожелали;
Княгиня, Князь простились съ нимъ
Такъ нѣжно какъ съ роднымъ своимъ;
Когда-жъ на вѣчную разлуку
Онъ Ольги трепетную руку
Схватилъ и къ огненнымъ устамъ
Поднесъ, и Оленька нагнулась
Къ его блѣднѣющимъ щекамъ,
Когда она его коснулась,

Какъ эти свѣтлые глаза
Невольной грустью помутились
И ихъ подернула слеза —
Въ немъ чувства, мысли помрачились:
Едва, едва онъ не упалъ.
Но кучеръ свиснулъ, закричалъ,
Карета съ мѣста шевельнулась,
Княжна къ Борису оглянулась
И какъ падучая звѣзда
Она сокрылась навсегда.
И передъ домомъ опустѣлымъ,
Недвижимъ, долго онъ стоялъ,
И на крыльцѣ осиротѣломъ
Слезами сердце изливалъ.
Всему конецъ, что дѣлать было?
Борисъ побрелъ кой-какъ домой;
Онъ предался тоскѣ унылой;
Убитый грозною судьбой,
Не могъ подняться духомъ смѣлымъ,
Не могъ заняться дѣльнымъ дѣломъ,
И день и ночь страдалъ, страдалъ,
Да съ горя риѳмы подбиралъ.

И молчалива и грустна
Въ каретѣ ѣхала Княжна;
Отецъ и мать надъ ней шутили
И наконецъ развеселили.
Но въ самомъ дѣлѣ Ульина
Любила Ольга и безъ шутокъ
До самыхъ Петербургскихъ будокъ
(Всего итогомъ трое сутокъ)
О немъ все думала она!
А это много для дѣвицы
Всегда балованной царицы
Гостиныхъ сѣверной столицы.

ГЛАВА III.

Увялъ! . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Гдѣ бурныя любви желанья,
И жажда знаній и труда,
И страхъ порока и стыда,
И вы, завѣтныя мечтанья,
Вы, призракъ жизни неземной,
Вы, сны поэзіи святой!

(*А. Пушкинъ. Евгеній Онѣгинъ.*)

На крыльяхъ легкихъ и безшумныхъ
За днями быстро дни летятъ;
Равно спѣшитъ ихъ пестрый рядъ
Для мудрецовъ и для безумныхъ,
И вѣчной, вѣчной чередой
Ихъ время гонитъ предъ собой;
А люди жадными очами
На старика глядятъ всегда
И чаютъ: на лету дарами

Не подаритъ ли ихъ когда?
Но все угрюмый, равнодушный,
Ихъ не балуетъ онъ, сѣдой;
Мольбамъ и воплямъ непослушный
Даритъ онъ скудною рукой
А зло охабками бросаетъ,
И дни несчастія и бѣдъ
Онъ свѣтлымъ днямъ предпочитаетъ.
Но бѣднымъ людямъ дѣла нѣтъ:
Какъ онъ, они неутомимы,
Надежды ихъ неугасимы,
Все ждутъ они. И вотъ, когда
Протекшій годъ смѣняетъ новый,
Они сбираются всегда,
И годъ минувшій, годъ суровый
Они забвенью предаютъ,
Вино съ надеждой новой пьютъ
Въ бокалъ заздравный ударяя.
Такъ, съ году на годъ отлагая
Свои надежды, человѣкъ
Несносный отживаетъ вѣкъ.

Съ тѣхъ поръ прошло ужъ много дней,
Какъ мы покинули героя
Плачевной повѣсти моей.
Я не нашелъ, въ бумагахъ роя,
(И то единый знаетъ Богъ),
Какъ перенесъ онъ жизни бремя,
Какъ не убился, не изсохъ.
Теперь же онъ сидитъ мечтая,
Предъ нимъ шкатулка отпертая:
Предметы странные лежатъ
Въ ней смѣшаны; Бориса кладъ
Шкатулка скромненькая эта:
Она ему дороже свѣта;
Тутъ жизнь, тутъ міръ его; въ ней все,
Что можетъ тайно про нее
Вѣщатъ Борису: тутъ съ перчаткой,
Взятой имъ нѣкогда украдкой,
Лежитъ завянувшій цвѣтокъ,
Что разъ онъ выпросить не могъ,
Но что Княжна потомъ забыла
Неподалеку отъ него;
Другой тутъ, Ольга подарила

Его съ букета своего;
Клочекъ бумажнаго листочка
Съ ея рисунками; потомъ
Къ нему написанная строчка:
»Мы ѣдемъ въ два часа верхомъ.« . . .
И гдѣ мнѣ разсказать, о Боже!
Все что хранилось у него?
Но этого всего дороже,
Его глазамъ милѣй всего,
Платокъ, который въ часъ прощанья
Оставленъ былъ въ его рукахъ.
О сколько разъ въ его слезахъ
Сей знакъ ея воспоминанья
Былъ омоченъ! о сколько разъ
Свои любовные предметы,
Какъ счастья дальняго завѣты,
Перебиралъ онъ въ скорби часъ!
И сердце бѣднаго печали
Они минутно облегчали.

И долѣ чѣмъ когда нибудь
Въ тотъ день сидѣлъ онъ передъ ними.

Далеко думами своими
Увлекся онъ; забилась грудь
Сильнѣй, сильнѣй; не такъ сурово
Поэта блѣдное чело,
И вдохновенья молодова
Надъ нимъ завѣяло крыло.
Перо хватаетъ онъ, и льются
Стихи, пылая подъ рукой;
Мечтѣ послушны, риѳмы вьются,
И дактиль, звучною стопой,
Бумагу быстро обѣгаетъ;
Но кончено. Борисъ свой трудъ
Беретъ и медленно читаетъ:
Его желаній откликъ тутъ,
Тоски сердечной выраженье;
Но онъ забылъ ихъ въ то мгновенье,
Лишь занятъ пѣснею пѣвецъ:
Онъ видитъ въ ней чужую муку;
Стиховъ онъ жадно внемлетъ звуку,
Онъ поправляетъ, наконецъ
Доволенъ онъ. Какъ въ дни былые,
Въ немъ разыгралися мечты,

Его лелѣютъ сны златые
И славы кажутъ высоты.
Онъ думаетъ: »о еслибъ геній
Во мнѣ сокрылъ премудрый Богъ
И я обворожать бы могъ
Людей плодами вдохновеній!
Какъ сладко быть должно тому,
Чей арфы звукъ весь міръ плѣняетъ,
Чей голосъ души потрясаетъ:
Великъ онъ на землѣ! ему
Толпа, внимая, рукоплещетъ,
А онъ, пророкъ, какъ солнце блещетъ. . . .
О слава! какъ добыть тебя?
О Байронъ, Пушкинъ, дивный Гете!
Гдѣ взяли вы вѣнецъ ея?
Въ какой странѣ, въ какомъ полетѣ
Нашли вы мощный геній свой?
О вы, что въ скромномъ переплетѣ
Уединенный жребій мой,
Мои досуги и печали
Досель какъ други раздѣляли,
Что еслибъ голосомъ молвы

Превозглашенъ я былъ предъ свѣтомъ,
Какъ вы, божественнымъ поэтомъ?
Какъ удивилися бы вы.
А ты, о дѣва! . . . . Но увы!
За чѣмъ безкрылое желанье
Напрасно грудь мою томитъ?
Я чувствую, не то сулитъ
Мнѣ рокъ суровый; нѣтъ, въ преданьѣ
Не заживетъ мой бѣдный трудъ,
Мои творенія умрутъ
Какъ я, въ избушкѣ отдаленной,
И звуки пѣсни вдохновенной
До слуха міра не дойдутъ.
Кто внемлетъ бѣдному поэту?
Кто славы упоитъ струей
Его? и дружеской рукой
Кто на него укажетъ свѣту?
Всѣмъ чуждый, что могу одинъ?
А можетъ быть и недостоинъ
Вниманья я. . . . « И безпокоенъ
Шагалъ по комнатѣ Ульинъ;
То онъ горѣлъ надеждой дальной

И вѣрилъ избранной судьбѣ,
То духомъ падалъ и печальной
Онъ сомнѣвался самъ въ себѣ.
Такъ день прошелъ; усталы очи
Ему закрылъ прохладный сонъ,
И утонувъ въ видѣньяхъ ночи
Проснулся поздно утромъ онъ.

Давно свѣтилъ ужъ Божій свѣтъ,
Борисъ едва привсталъ съ подушки,
И не былъ онъ еще одѣтъ,
Какъ съ шумомъ дверь его избушки
Открылась настежъ, и вошелъ
Поручикъ Пуговкинъ, писатель,
Полка оракулъ и глаголъ,
Объявленный завоеватель
Всѣхъ сельскихъ дѣвственныхъ сердецъ,
Политикъ тонкій и хитрецъ
По всей прославленный округѣ;
Вѣкъ въ хлопотахъ и недосугѣ
Онъ вѣкъ куда нибудь спѣшилъ.
»Слыхали-ль новость?« онъ спросилъ.

»Нѣтъ, не слыхалъ, а что такое?«

— » . . . . у насъ война.

Вотъ новость вамъ: она вѣрна;

Бѣжимъ на поле роковое.

Вчера нарочный прибылъ въ полкъ;

Полковникъ завтра собираетъ

Насъ всѣхъ и новость объявляетъ,

Ужъ въ штабѣ суета и толкъ.«

И тутъ пустился въ разсужденья

Поручикъ Пуговкинъ. . . .

. . . . . .

. . . . . .

Но вѣстью, гостемъ привезенной,

Борисъ внезапно пораженной

Задумчивъ былъ и не внималъ

Его словамъ краснорѣчивымъ;

Своимъ мечтамъ славолюбивымъ

Полетъ онъ новый открывалъ:

Покуда Пуговкина рѣчи

Онъ мимо пропускалъ ушей,

Борисъ ужъ мыслію своей

Леталъ среди кровавой сѣчи,

За подвигъ храбрый отличенъ,
Изъ чина въ чинъ произведенъ,
Ужъ онъ командовалъ полками,
И вѣрно быстрыми шагами
И до фельдмаршала бъ дошелъ;
Но Пуговкинъ всѣ разсужденья
Ужъ до конца свои довелъ
И требовалъ Бориса мнѣнья.
Герой мой словъ не находилъ,
Но къ счастью Пуговкинъ спѣшилъ,
Простился, и пошелъ съ извѣстьемъ
Разить умы по всѣмъ помѣстьямъ.

И въ самомъ дѣлѣ подымался
На Славянина Слявянинъ
Кровавый споръ возобновлялся,
Тысячелѣтній исполинъ.
Смиривъ невѣрныхъ мусульмановъ,
Уставъ отъ войнъ, отъ шума становъ,
Отъ славныхъ битвъ, отъ славныхъ ранъ,
Заснулъ Россійскій великанъ.
Но легокъ сонъ его, онъ слышитъ—

Приподнялась его жена:
Она преступной страстью дышетъ,
Отъ ложа брачнаго она
Ушла, и не боясь проклятья,
Безумно бросилась въ объятья
Любовника. Отъ нѣги сна
Супругъ поднялся разъяренной,
Сзываетъ доблестныхъ сыновъ,
Идетъ и казней непремѣнной
Онъ за безчестье мстить готовъ.

Когда морозъ стоитъ трескучій
И вѣтеръ вьюгою летучей
Знобитъ распухшее лицо,
Несносно выйти на крыльцо;
Но при подобной непогодѣ
Тянуться каждый день въ походѣ —
Вамъ непонятна вещь сія,
О фраки! мужи дѣловые,
Перолюбивые друзья!
Конечно, люди вы не злые,
Отчизнѣ служите умомъ;

Но если Небо правосудно,
То въ рай, за вѣкъ свой многотрудной,
Мы прежде всѣхъ васъ попадемъ.
Я не могу таить признанья,
На стыдъ героя моего,
Что на походѣ всѣ мечтанья
Едва не вымерзли его.
Лишь только въ этотъ часъ счастливой,
Когда темно, и рыщетъ волкъ,
И расходясь, усталый полкъ
Идетъ по избамъ торопливо,
И неуклюжій самоваръ
Шипитъ и за стаканомъ чая
Дымится трубочка витая,
Опять мечты погасшій жаръ
Въ груди Бориса разгарался
И онъ надеждамъ предавался.

Межъ тѣмъ часы и дни бѣжали,
Трещать морозы перестали;
Въ поляхъ, предвѣстники весны,
Шумятъ, разлившися, потоки;

Дни долѣ; солнца лучь высокій
Проникъ до снѣжной глубины;
Все новой жизни предается,
И съ пѣсней жаворонокъ вьется;
Вотъ наконецъ пришла она,
Царица свѣтлая весна!
Давно за русскою преградой
Бориса полкъ уже стоялъ,
Но мирно онъ приказа ждалъ.
Борисъ рвался, кипѣлъ досадой;
Но вотъ приказъ! и не далекъ
Кровавыхъ битвъ желанный срокъ.

Природа въ сумеркахъ темнѣетъ;
Едва вечерняя заря
Еще на западѣ алѣетъ;
Огни бивачные, горя,
Бросаютъ клубомъ дымъ высокій.
Заутра встанетъ бой жестокій,
Но передъ бурей лагерь тихъ:
Усталый воинъ сонъ вкушаетъ;
Молчанье ночи лишь смущаетъ

Унылый откликъ часовыхъ,
Да гулъ людской толпы невнятный,
Да ржанье звонкое коней,
Да переливный соловей
Поющій въ рощѣ ароматной.
Куря изъ трубки, мой герой
Предъ дымнымъ пламенемъ бивака,
Подъ сѣнью легкаго барака,
Мечталъ объ Ольгѣ молодой. —
Быть можетъ, дремлющій читатель,
Тебѣ пріѣлся мой мечтатель.
Мечтаетъ онъ свой цѣлый вѣкъ;
Но дай минуту мнѣ вниманья;
Рѣши какъ умный человѣкъ:
Что жизнь безъ думъ и безъ мечтанья? —
Забота, скука да страданья!
Позволь же разъ еще одинъ
Сказать, о чемъ мечталъ Ульинъ.
Онъ завтра ждетъ нетерпѣливо:
Навѣрное судьбой игривой
Ему сулится что нибудь;
Не можетъ быть, чтобы напрасно

Въ его измученную грудь
Такъ врѣзался бы образъ ясной;
Не можетъ быть, чтобъ мудрый Богъ
Въ его душѣ зажечь безъ цѣли
Такой высокій пламень могъ,
Чтобъ безъ слѣда его истлѣли,
Пропали дивныя мечты:
Онъ въ ратномъ полѣ отличится,
Иль пѣсней міръ его плѣнится,
Но до желанной высоты
Какой бы ни было тропою
Дойдетъ — и съ свѣтлой красотою
Соединитъ его Творецъ.
Кому изъ любящихъ впервые
Не обѣщали сны златые
Волшебный, счастливый конецъ?
И убаюканный мечтами
Борисъ заснулъ передъ огнями.

Въ ту ночь былъ въ Петербургѣ балъ.
Часы уже двѣнадцать били,
Сіялъ огнями пышный залъ,

Играла музыка кадрили.
Отъ танцовъ, жара, духоты,
Пылали краской красоты
И нѣжно ихъ сіяли взоры;
Вездѣ журчали разговоры,
Кой-гдѣ несчастный мужъ зѣвалъ,
И былъ вполнѣ удаченъ балъ,
Хотя гвардейскихъ офицеровъ
Была столица лишена.
Съ однимъ изъ модныхъ кавалеровъ
Носилась Дольская Княжна.
Они фигуру проплясали
И завязался разговоръ.

Онъ

Мы кое-что про васъ узнали.

Она.

А что такое? вѣрно вздоръ.

Онъ.

Нѣтъ, нѣтъ! не вздоръ. Теперь понятно,
За чѣмъ такъ долго средь степей

Въ деревнѣ жили вы своей;
Довольно было тамъ пріятно.
А я, глупецъ, жалѣлъ объ васъ.

Она.

Что это? острота конечно?
Она темна на этотъ разъ.

Онъ.

Да! это вѣдь секретъ сердечной!
Но этотъ я узналъ секретъ.
Романа славный тутъ сюжетъ!
Что-жъ вы краснѣете?

Она.

Да трудно
Не покраснѣть въ жарѣ такой.

Онъ.

Я слышалъ, для глуши безлюдной
Не дуренъ адонисъ степной.
Вы видите, все знаю ясно.

Она.

Къ несчастію совсѣмъ напрасно
Быть такъ догадливымъ со мной,
И еслибъ просто вы спросили
Я все сказала бъ вамъ сама.
Хотѣла бъ я, чтобъ вы пожили
Въ деревнѣ нашей, вы съ ума
Сошли бъ на вѣрное. О Боже
Какая скука и тоска!
Пустыня, каждый день все то же.....
А тамъ, какого-то полка
Былъ офицеръ у насъ въ постоѣ,
И въ самомъ дѣлѣ, просвѣщенъ
Довольно былъ онъ и уменъ
И наконецъ лице людское,
Ужъ это много.

Онъ.

И съ ума
Его свели вы для финала.

Она.

Такъ чтожъ мнѣ дѣлать? не желала
Конца такого я сама.

Онъ

Чтожъ дальше было?

Она.

Ну и только.
Мы возвратилися сюда.

Онъ.

А съ нимъ что сдѣлалось тогда?

Она.

Не знаю право, и ни сколько
Я не старалася открыть.

Онъ.

Ну можно-ль такъ жестокой быть!

Она.

Я не люблю воспоминаній;
И ежедневныхъ замѣчаній
Довольно: думать тяжело
О томъ, что было и прошло;
И напередъ вы знайте сами,
Что если вы когда нибудь
Отъ насъ уѣдете, Богъ съ вами!
Желаю вамъ счастливый путь,
Но вспоминать о васъ не буду
И, какъ его, совсѣмъ забуду.

Онъ.

Благодарю..... но вотъ нашъ туръ. —
И съ этимъ рѣчь ихъ прекратилась,
И пара чудная сокрылась
Въ великой сложности фигуръ.

Солдаты храбраго отряда
Едва успѣли кашку съѣсть,
Вдали раздалась канонада,
Примчалась въ станъ съ форпостовъ вѣсть.

Минуту было все въ тревогѣ,
Но въ мигъ настала тишина,
И стройно вышли по дорогѣ
За знаменами знамена.
Такъ цѣлый часъ, иль даже болѣ,
Тянулись по лѣсу полки;
Вотъ вышли, и въ широкомъ полѣ,
Вдали открылись Поляки.
Сошла съ шоссе глава отряда,
(Гдѣ былъ съ полкомъ и мой Герой)
И началася деплояда.
Межъ тѣмъ поспѣшно подходилъ
Полякъ колоннами густыми.
Все шире, шире передъ ними,
Какъ бы волшебною рукой,
Отрядъ въ полянѣ разливался,
И фрунтъ изъ фрунта выдвигался,
И строй рождалъ летучій строй.
Сошлись отряды головами;
Сигналъ: застрѣльщики впередъ!
И между вешними кустами
Стрѣльба ружейная идетъ.

То ружьями, то киверами,
Кой-гдѣ мелькаютъ егеря.
Кусты какъ будтобъ оживились,
Внезапной злобой возгоря,
И межъ собой стрѣлять пустились;
И дымомъ дышетъ каждый листъ.
Борисъ въ застрѣльщикахъ; впервые
Онъ пуль внимаетъ близкій свистъ:
Невольно краски молодыя
Играютъ ярче на лицѣ,
Невольно сердце въ удальцѣ
Смущаютъ пули роковыя.
Нѣтъ славы пасть передъ пальбой!
Не то, что рукопашный бой.
Трехгранный штыкъ! младыхъ героевъ
Не ты ли лестная мечта,
И не тобой ли занята
Ихъ дума скачетъ среди боевъ?
Когда Суворовъ мелъ тобой,
Какъ пыль, Французовъ предъ собой,
Потѣшенъ, любъ былъ Руси ратной
Разсказъ игры твоей булатной,

За тѣмъ, что удаль есть въ штыкѣ;
Что только въ доблестной рукѣ
Ты, штыкъ, и грозенъ и опасенъ;
Что подвигъ твой и чистъ и ясенъ,
Какъ гранъ блестящая твоя.
Но, видно такъ судьба хотѣла,
На этотъ разъ въ событьяхъ дня
Остался Русскій штыкъ безъ дѣла.
Ошибся ль врагъ въ расчетѣ силъ?
Иль вѣсть какую получилъ?
Внезапно быстро отступилъ.
Герой мой новой полнъ отвагой:
Пріятно видѣть тылъ врага,
Вольнѣй рука владѣетъ шпагой,
Бодрѣй впередъ идетъ нога.
Протяжный крикъ — Ура! раздался;
Онъ поднялъ свѣтлое чело . . . .
Борису что-то грудь прожгло,
Хотѣлъ кричать, но зашатался;
Онъ палъ, черты его лица
Покрыла блѣдность роковая;
Ударъ смертельнаго свинца

Его сразилъ, когда мечтая
О славѣ будущей онъ шелъ.
Онъ слышитъ, — шагъ свой ускоряя,
Проходитъ полкъ, и повторяя
Ура отважныхъ, стонетъ долъ.
Вотъ полкъ другой проходитъ мимо,
А онъ — страдаетъ недвижимой.

Прости, о жизнь! прости, мечта! . . .
О сколько горькихъ думъ тогда
Тѣснилось въ сиротѣ. Печально
Такъ умирать во цвѣтѣ лѣтъ!
И онъ одинъ, и друга нѣтъ,
Кому бы могъ онъ въ часъ прощальной
Повѣрить все, чѣмъ грудь полна:
Какъ страсть въ немъ бурна и сильна,
Какъ умирающаго грѣетъ
Огнемъ живительнымъ она . . .
Безъ утѣшенья суждена
Поэту ранняя кончина.
Окрестъ онъ бросилъ грустный взоръ:
Весны роскошная картина

Являла свѣжій свой уборъ.
Въ послѣдній разъ онъ заглядѣлся
На имъ любимую весну,
И глазъ подъятый въ вышину
Молитвой тихой загорѣлся.
И были сини небеса,
И солнце яркое сіяло.:..
Златое облако-краса
По небу тихо пробѣгало,
И умирающій поэтъ
Ему повѣрилъ свой завѣтъ:
«Летучій паръ! краса природы!
Прими завѣтъ прощальный мой,
Какъ принимаешь эти воды,
Что блещутъ утренней росой.
Надъ вешней нивой пролетая,
Увидишь дѣву — красоту:
Она — какъ эти духа рая,
Что ты встрѣчаешь, пробѣгая
Небесъ эѳирныхъ высоту.
Когда увидишь, паръ летучій,
Очей дѣвичьихъ взоръ могучій,

Полетъ свой остановишь самъ:
Тогда къ младымъ ея красамъ,
Исполнивъ бѣднаго моленье,
Спустись какъ утренній туманъ,
Ты обними волшебный станъ
И въ легкомъ вѣтра дуновеньѣ
Объ умирающемъ шепни.«
Онъ подымалъ глаза свои,
Но въ нихъ ужъ небо потемнѣло.
Страдальца сердце охладѣло . . .
И смерть его, какъ жизнь была;
Полна любви и упованья,
Безвѣстна людямъ, тяжела
И не дождалась состраданья.

Заключеніе.

По смерти друга моего
Не могъ найти я ничего:
Ни мѣста, гдѣ его зарыли,
Ни имъ оставленныхъ трудовъ,
Ни книгъ, ни счетовъ, ни долговъ;
И по неволѣ этой были
Окончить долженъ я разсказъ.
О немъ лишь въ Инвалидѣ разъ
Сыскалъ я, послѣ долгихъ исковъ,
Параграфъ маленькій одинъ,
Что исключается изъ списковъ
Убитый Прапорщикъ Ульинъ.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111